

**КОЧУЮЩАЯ НОРМА,
ИЛИ МИКРОДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПОХОЖДЕНИЯ
СЛОВА *ихний* В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ
И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ***

© 2015 г.

**Екатерина Роландовна Добрушина^а,
Дмитрий Владимирович Сичинава^{б, в, @}**

^а Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Москва, 115184, Россия; ^б Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; ^в Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; [@] mitrius@gmail.com

В статье на материале Национального корпуса русского языка (в том числе параллельных корпусов в его составе) анализируется история функционирования изменяемого притяжательного прилагательного 3-го лица мн. ч. в восточнославянских языках. В течение XIX—XXI вв. слово *ихний* конкурировало с неизменяемым местоимением *их*. В русском языке форма *ихний* долго колебалась на грани нормы, в некоторые периоды (особенно в конце XIX — первой половине XX в.) употреблялась довольно активно, но тем не менее так и не была принята как литературная и сейчас воспринимается как знак «неграмотной» речи. Напротив, в литературный украинский язык прилагательное постепенно вошло как единственное нормативное, вытеснив неизменяемое местоимение. В современном белорусском языке прилагательное используется очень широко, по-видимому, нормативно не только для разговорной речи, но и для художественной и публицистической, но более редко в научных текстах и не всегда принимается в качестве нормативного в грамматиках и словарях.

Ключевые слова: притяжательные местоимения, русский язык, белорусский язык, украинский язык, восточнославянские языки, языковая норма, корпусная лингвистика

**A DRIFTING NORM, OR MICRODIACHRONIC
ADVENTURES OF THE WORD *ixnij* ‘their’
IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND BELORUSSIAN**

Ekaterina R. Dobrushina^а, Dmitri V. Sitchinava^{б, в, @}

^а St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, 115184, Russia; ^б Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; ^в National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; [@] mitrius@gmail.com

The inflected possessive form of the type of Russian *ixnij*, its rise and variation across the East Slavic dialects and languages are analyzed. Whereas this form has been long fluctuated on the verge of Standard Russian and nevertheless has not been accepted as normative, it has been successfully adopted into Standard Ukrainian (superseding the older *jix* form) and widely used in Belarusian, although reluctantly accepted in grammars and dictionaries.

Keywords: possessive pronouns, Russian language, Belarusian language, Ukrainian language, East Slavic languages, standard language, corpus linguistics

* Исследование выполнено в рамках проекта описания русской корпусной грамматики «Русграм» (<http://rusgram.ru>), и авторы выражают благодарность поддерживающему его фонду РГНФ (Russian Foundation for Humanities), проект № 14-04-00264. Авторы благодарят анонимного рецензента «Вопросов языкознания» за ценные замечания и дополнения.

Притяжательное местоимение 3-го лица в восточнославянских языках имеет более позднее происхождение, чем местоимения 1-го и 2-го лица, и поэтому заимствовано из парадигмы личных местоимений. В результате в этих языках не существует специальных форм притяжательных местоимений 3-го лица, хотя остальные лица имеют изменяемые по родам, падежам и числу отдельные формы (ср. русск. *мой, наш* и др.). Для обозначения принадлежности 3-го лица используются неизменяемые формы, происходящие из род. п.: русск. *его, ее, их*. В работе [Волк 2014] показано, что по синтаксическим свойствам эти формы ведут себя не как генитивные зависимые, а как остальные притяжательные местоимения. Таким образом, синтаксические свойства класса притяжательных местоимений вступают в противоречие с морфологическим обликом этих неизменяемых слов [Там же: 521].

В диалектной речи и просторечии, восполняя этот пробел, активно функционируют адъективные дериваты от формы род. п.: *ейный, евоный* и др. «Адъективная деривация представляет собой своего рода “компенсаторный механизм”, предназначенный для устранения противоречия между синтаксическими и морфологическими свойствами притяжательных местоимений третьего лица и, следовательно, выравнивающий нормальное, системное положение вещей» [Волк 2014: 525]. Однако в литературных стандартных восточнославянских языках местоимения 3-го лица ед. ч. не используются¹ (кроме белорусского *ягоны*, хотя и его функциональность несколько ограничена; см. ниже), и из всех подобных новообразований только формы мн. ч. типа *ихний* составляют некоторого рода конкуренцию неизменяемой форме типа *их*. Сложной истории успешных и безуспешных попыток проникновения местоименного прилагательного *ихний* (и его соответствий, а также наречий-дериватов типа *по-ихнему*) в литературные русский, украинский и белорусский языки посвящено данное исследование.

1. Русский язык

В современном русском языке единственным нормативным способом выражения притяжательного значения 3-го лица мн. ч. считается форма *их*, а прилагательное *ихний* находится за рамками нормы, хотя в течение трех веков и встречается в литературных текстах. По словам В. С. Волка, «адъективный дериват ЗРЛ несомненно и очень давно значительно сильнее других приблизился к литературному языку» [Волк 2014: 531].

1.1. Начало истории формы *ихний*

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» самый ранний пример для слова *ихний* («мест. То же, что ихъ») датируется 1690 г. (*стати намъ за ихнею порукою*), тогда как пример притяжательного *ихъ* («В знач. притяж. мест. Принадлежащий им») — шестью веками раньше — 1076 г. [Словарь XI—XVII, 6: 358, 357]. Правда, слово *ихний*, как показывают в том числе и материалы того же Словаря, несомненно, появилось значительно раньше конца XVII в. и существовало еще в XVI в.: в Словаре приводится форма *ихниный*, датированная 1574 г. [Там же: 358]. *Их-н-ин-ый* — прозрачный вторичный адъективный дериват от *ихний*, а значит, в языке уже было и производящее слово. В старорусском (среднерусском) подкорпусе НКРЯ представлен пример с *ихний* в тексте 1591—1599 г.: *Что они нам били челом, а сказали, что в прошлом в 94-м году взято у них на нас для Сибирские дороги отцов ихних вотчина городок и остроги* [Жалованная грамота ц. Федора Ивановича Строгановым, с подтверждением 1599 г.].

Местоименные прилагательные, родственные слову *ихний*, в великорусских говорах разнообразны. Сюда входит выстроенная по аналогии парадигма на основании осмысленного как форма муж. р. ед. ч. слова *их*: *их, иха, ихо* [Даль: 66—67; ООВС: 74; СРНГ, 12: 273],

¹ В других славянских языках укажем на адъективный дериват 3-го лица ед. ч. в болгарском: *негов*.

а также формы *ихна*, *ихны* [ПОС: 358] (в статье *ихний*), *ихий* [СРНГ, 12: 273; ООВС: 74] и др. В «Словаре русских народных говоров», как это ни странно, статьи *ихний* или *ихный* вообще отсутствуют: есть только статьи *ихий*, *ихинский*, *иховый*, *ихонный* и лексикализированный фонетический вариант слова *ихний* (*ихный*) — *ифний* (*ифный*), толкуемый как «то же, что *ихий*» [СРНГ, 12: 273]. В НКРЯ представлена, помимо некоторых из уже упомянутых, также форма *ихов* (у Шолохова (1928) [Волк 2014: 530—531]).

География распространения этих адъективных дериватов довольно широка: это и северные, и южные великорусские говоры, и территории позднего заселения (Поволжье, Урал, Сибирь). В словаре Даля есть попытка обозначить территориальное распределение этих форм («сев. *ихный*, *ихной*, вост. *ихий*»).

Также весьма широко представлены в русских диалектах адъективные притяжательные местоимения 3-го лица ед. ч.: *евои*, *евоинский*, *евоинный*, *евон(н)ый*, *евонов(ый)*, *евошный*; *ее(н)ный*, *ейный*, *ейнин* [СРНГ, 8: 312—314, 325, 333]. Не исключено, что они появились в языке несколько позже, чем формы типа *ихний*; в частности, в исследованных псковских деловых документах XVI—XVII вв. такие формы (типа *егоный* / *явоный*) не отмечены, тогда как неизменяемые притяжательные местоимения 3-го лица встречаются в них часто [Сидоренская 1960]; нет их и в исторических словарях XI—XVII и XVIII вв.

1.2. Широкое распространение формы

Очень важный пример на слово *ихний* (*ихный*) отмечен в «Российской грамматике» А. А. Барсова (1783—1788): «Находящиеся такие притяжательные <местоимения>... в новогородском наречии *ихный*, или *ихний* или *ихней* не приняты в общее употребление» (цит. по: [Словарь XVIII: 176]; составители словаря дают стилистическую помету «прост.»). Здесь констатируется известная распространенность данных форм в живой речи и одновременно дается ограничивающее их употребление нормативная рекомендация.

Один из первых известных нам в художественных текстах примеров относится к 1817 г. и входит в реплику персонажа пьесы А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент», слуги из Казани Федьки, речь которого стилизована под подчеркнуто простонародную. В 1820-е гг. есть несколько употреблений в деловых документах, например в пересказе военным в официальном донесении речи московского купечества:

- (1) ...*купечество секретно говорят, ежели, Боже сохрани, это случится с Государем Императором какое-нибудь нещастие, то это время ни на кого не посмотрим, сами с фабричными вооружимся и пришедшую для коронации сюда гвардию сами с нею управимся, поотымаем у них все ихнее оружие...* [И. И. Евневич. Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И. И. Евневича (1825)] (здесь и далее примеры из [НКРЯ]).

С 1830-х гг. употреблений становится все больше, и первый пик использования *ихний* (*ихный*) на графиках частоты, создаваемых сервисом НКРЯ, обнаруживается в 1850-е гг. Конечно, восприятие хронологических данных Национального корпуса как совершенно точных было бы иллюзией, однако общую тенденцию к росту частотности в языке они отражают.

От неизменяемого *их* трудно образовать наречие, входящее в ряд местоименных наречий образа действия: *по-моему*, *по-твоему*, *по-нашему*, *по-вашему* (ср. редкие и контекстуально ограниченные сочетания типа *чтобы все было по его / ее*). Поэтому наречие *по-ихнему*, преимущественно обозначающее «на неродном говорящему языке», по всей видимости, получает широкое распространение в литературном языке раньше прилагательного. Наречие встречается в большем количестве дневниковых и эпистолярных документов, например в авторской речи в кавказском дневнике Н. В. Симановского (1837) и в художественной прозе, в том числе у авторов, не использующих прилагательное, — в частности в «Герое нашего времени» (1839—1841) М. Ю. Лермонтова (все четыре примера — не в авторской речи, а в рассказе Максим Максимыча из повести «Бэла»):

- (2) *Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)].

В 30-х гг. словом *ихний* воспользовались А. С. Пушкин (письмо няньки в «Дубровском») и Н. В. Гоголь (реплики Жевакина в «Женитьбе» и Янкеля в «Тарасе Бульбе»), а с 40-х гг. употреблений лексем *ихний* (*ихный*) и *по-ихнему* становится все больше, в том числе в прозе И. И. Панаева, В. А. Соллогуба, затем Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Д. В. Григоровича, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, В. Г. Короленко и др. Особенно много этих форм у М. Е. Салтыкова-Щедрина:

- (3) *Возьми, например, хоть то: выдумали теперь какой-то savoir vivre, а разбери ты его как следует, этот ихний savoir vivre, — ан выйдет то же мошенничество!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш savoir vivre (1863—1871)].

Для создания исторического речевого колорита использует это слово, причем в двух вариантах (*ихний* и *ихный*), А. К. Толстой в романе «Князь Серебряный» (1842—1862), действие которого происходит в XVI в. — как мы видели, примерно в это время слово *ихний* и появляется в письменных памятниках (впрочем, неясно, насколько это было известно Толстому).

Писатели широко используют *ихний* в прямой речи персонажей, в частности людей из народа и/или малообразованных, хотя это и не обязательно. Из этого следует, что в народной разговорной речи XIX в. слово *ихний* используется очень широко. Между тем в этом веке обнаруживается еще сравнительно мало примеров, на основе которых можно было бы заключить, что слово было допустимо для писателей в их личной устной или письменной речи, адресованной широкой публике, а не только как речевая характеристика персонажей или разговорное словечко, используемое в частном разговоре или письме. Ср. нередко цитируемое в литературе нормативное высказывание Ф. И. Буслаева: «Притяжательное местоимение *ихный*, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» [Буслаев 1959: 118]. Пожалуй, одним из первых примеров такого типа можно считать цитату из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского:

- (4) *И никогда союз России не ценился бы выше, как теперь, в Европе, никогда еще она не могла себя с большею радостью поздравить с тем, что она не старая Европа, а новая, что она сама по себе, свой особый и могучий мир, для которого именно теперь наступил момент вступить в новый и высший фазис своего могущества и более чем когда-нибудь стать независимой от прочих, ихних, роковых вопросов, которыми старая, дряхлая Европа связала себя!* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1877)].

Два десятилетия спустя, на рубеже веков, слово, видимо, стало еще более распространенным, и свидетельства о том, что говорящие на литературном языке используют его, не стесняясь, становятся частыми. Нередко абсолютное употребление слова *ихний* без зависимого существительного, например, с компаративом:

- (5) *Однако наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались* [П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)].
- (6) *Огромные края Малороссии, Грузии и Сибири сами пристали к нам, поняв будущую силу России и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну заплатились покорением и разделом, потому что русский реализм выше и крепче ихних от латынщины наваянных начал* [Д. И. Менделеев. Заветные мысли (1903—1905)].

Фразеологизмы *ихний брат* (50 употреблений в НКРЯ) и *ихняя сестра* (30 употреблений) используются заметно чаще, чем аналогичные с неизменяемым местоимением.

Однако еще несколько десятилетий спустя советская лингвистическая традиция объявляет форму *ихний* ненормативной: в словарях [СУ; Ожегов, Шведова 1998; МАС] форма

дается как просторечная, в [БАС] как разговорная, в академических грамматиках не упоминается вовсе (подробнее см. [Добрушина 2013]). В художественных произведениях она остается только маркером речи необразованных героев. В предыдущие века (XVIII—XIX вв.) нормативная оценка этой формы была заметно менее категоричной: и у Барсова, и у Буслаева лишь констатировалось, что эта форма не стала общеупотребительной.

Тем не менее в течение трех первых четвертей XX в., безусловно, есть образованные носители языка, регулярно использующие слово в авторской письменной речи публицистического, мемуарного или эпистолярного типа, в том числе такие писатели, как Л. Н. Андреев, В. Ф. Ходасевич, К. И. Чуковский, А. П. Платонов, Вс. В. Иванов, Ю. М. Даниэль, И. А. Бродский.

Можно предположить, что в период, по крайней мере, до 1970-х гг. строгая норма, уверенно запрещающая адъективные дериваты притяжательных местоимений, противоречит интуиции многих культурных людей. Примерно в конце третьей четверти века — накануне падения железного занавеса — форма оказалась популярна в значении «заграничный», в котором воспринимается как осознанно игровая, мысленно или эксплицитно закавыченная, и, по-видимому, используется в том числе теми, кто рефлексирует ее как ненормативную, например, «оборудовал *“ихний” техникой*» у В. Войновича в «полуавтобиографической» «Иванькиаде» (1976). В этом значении слово активно используется до сих пор, особенно в газетных текстах.

Отметим, что по сравнению с неоднозначным статусом слова *ихний* адъективы от местоимений 3-го лица ед. ч. *егоный* и *ейный* с их вариантами гораздо дольше практически неизменно сохранялись (и в целом сохраняют) функцию «сниженной» речевой характеристики малообразованного персонажа из простонародья (или авторской игры с соответствующей «речевой маской»). Это так начиная с их первых фиксаций в корпусе (в произведениях авторов «натуральной школы» 1840-х гг.; пик моды, кажется, приходится на беллетристику народников 1870—1880-х гг.) вплоть до новейшей прозы начала XXI в. Подробнее об этих формах на материале НКРЯ см. [Волк 2014: 526—530]; автор осторожно предполагает, что в текстах авторов 1970—2000-х гг. увеличивается количество «нейтрально-разговорных» употреблений этих форм. Если это так, то перед нами еще одно свидетельство системного «отставания» этих форм в развитии от форм 3-го лица мн. ч.

1.3. Современное состояние

С конца XX в. слово *ихний* признается недопустимым в литературной речи, просторечным. Сейчас форма в художественных и газетных текстах эксплуатируется как резко отрицательная речевая характеристика: если во второй половине XIX в. *ихний* в устах персонажа — знак разговорной речи, возможно, в рамках литературного языка, то в XXI в. это, безусловно, знак некультурной речи. По словам В. С. Волка (приводящего также ряд других аналогичных примеров), «носители языка воспринимают адъективные дериваты как нечто выбивающееся из стандартного регистра литературного русского языка» [Волк 2014: 523]:

- (7) — *Это кто? — удивилась я. — Подружка ихняя. — Чья? — переспросила я, подавив в себе желание строго сказать: «Слова “ихняя” в русском языке нет, нужно говорить: “Их подруга”*» [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]²

Современные русские носители языка, стремящиеся соблюдать норму, это прилагательное используют только в игровой форме, как бы в мысленных кавычках, чаще в значении

² В этом же тексте Донцова сопровождает полностью аналогичным «нормативным комментарием» и слово *ейный*: «Как войдете, *ейная* квартира слева, прямо тут. Вот еще чудесное словечко “*ейная*”. Услышь наш разговор профессор Розенталь, автор канонического учебника по русскому языку, он бы зарыдал от горя».

«заграничный»; в ненормативной разговорной речи слово возникает нередко. Более подробно об истории слова и его положении в современном русском языке см. в статье [Добрушина 2013].

2. Украинский язык

В современном украинском языке слово *їхній*³ является стандартной нормативной формой притяжательного местоимения 3-го лица мн. ч., однако стандартизация этой формы — сравнительно недавнее явление, связанное с нормотворческой деятельностью XX в. Основным источником текстовых примеров является параллельный украинско-русский корпус НКРЯ (одноязычный корпус Лаборатории компьютерной лингвистики Киевского университета на сайте mova.info пока не позволяет получить статистические данные и выстроить материал по дате создания).

2.1. Начало распространения местоимения *їхній*

Материалы параллельного украинско-русского корпуса НКРЯ показывают, что у авторов 1810—1870-х гг. — И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, Т. Шевченко, П. Кулиша, Марко Вовчок, А. Свидницкого, И. Нечуя-Левицкого и других — *їхній* отсутствует, встречается только притяжательное местоимение *їх*. Особенно ярко это видно у двуязычных прозаиков, создававших свои произведения и в русской, и в украинской версиях. Пантелеймон Кулиш в русском (по-видимому, первичном) тексте романа «Черная рада» употребляет наречие *по-ихнему*:

(8 русск.) *А то и подѣлена такъ же, какъ у насъ, на курени, по ихнему на братства, и надѣ всякимъ братствомъ выбирается отаманъ* [П. Кулиш. Черная рада, Хроника 1663 года (1846—1857)].

В украинской версии он использует конструкцию со значением ‘у них’:

(8 укр.) *А то і поділена так, як у нас: у нас курені, а в їх братства, і над усяким братством обирають отамана* [П. Куліш. Чорна рада (1857—1858)].

Марко Вовчок в рассказе «Свекруха» (1857) использует украинское несклоняемое притяжательное местоимение: *Наша нива коло їх*, а в русском автопереводе прибегает к слову *ихний*: *Наша нива подле ихней была*. И далее переводчики советского времени, переводя на русский язык произведения украинских дореволюционных писателей (И. Франко, П. Мирного, А. Тесленко, Л. Мартовича), подставляют в прямую речь персонажей из простонародья *ихний* вместо *їх* (примеры 9—10). Когда же несколько десятилетий спустя форма появится в украинских текстах, то переводчики будут убирать ее из русского перевода, если сочтут, что нет необходимости демонстрировать простонародность говорящего. Иными словами, в русской языковой традиции советского периода прилагательное *ихний* — это художественный прием, маркер нелитературной речи XIX—XX вв., неважно, русской или украинской, который можно использовать вне зависимости от того, употребляется оно реально в украинском языке или еще нет:

(9 укр.) ...— *видурили у него ґрунт, худоба розтратилася, а нині ось прийшли та й з хати го вивергли, кажуть, що то їх, що вони собі купили* [И. Франко. Борислав сміється (1881)].

(9 русск.) — *Выдурили у него землю, скот пропал, а нынче вот пришли, да и выгнали его из хаты: говорят, что она теперь ихняя, что они ее купили* [И. Франко. Борислав смеется (Е. Мозольков, Б. Турганов, 1940)].

³ У В. С. Волка [Волк 2014: 323] неточно указана форма с твердой основой: *їхний*. В отличие от двух других восточнославянских языков, в украинском этот вариант документирован очень слабо.

- (10 укр.) — *Любить? — перепитала Марина і сплюнула. — Отака їх любов!* [П. Мирний. Повія. (1882)].
 (10 русск.) — *Любит? — переспросила Марина и плюнула. — Вот такая ихняя любовь!* [П. Мирный. Гулящая (В. Тарсис, Е. Егорова, 1951)].

Слово *їхній*, насколько можно судить по текущему состоянию корпуса, в украинской художественной прозе впервые появляется в единичном примере 1872 г.:

- (11 укр.) *(Хапа сокиру). Бери оцю сокиру, рубай їхні санки!* [М. Старицкий. Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка (1872)].
 (11 русск.) *(Хватает топор.) Бери топор, руби их сани!* [М. Старицкий. Где колбаса и чара, там кончается сварка (И. Айзеншток, 1958)].

Затем в произведениях трех писателей (А. Конисского, М. Кропивницкого и П. Мирного — по одному разу в каждом тексте, причем дважды в составе наречия *по-їхньому*) слово появляется одновременно в одном и том же 1882 г. и далее встречается, но очень редко. Регулярно употребляться оно начинает уже писателями следующего поколения в 1890—1900-е гг. — Лесей Украинкой и М. Коцюбинским:

- (12 укр.) *Коли б ви знали, як мені обридли усі лікарі і їхні ліки, — мені про їх і думать бридко.* [Лесь Українка. Лист до М. П. Драгоманова, 24 грудня 1889 р. (5 січня 1890 р.)].
 (12 русск.) *Если бы Вы знали, до чего мне надоело все врачи и их лекарства, даже думать о них противно* [Лесь Українка. Письмо М. П. Драгоманову, 24 декабря 1889 г. (5 января 1890 г.) (И. Дорба, 1956)].
 (13 укр.) — *Ти працюєш для їхнього добра, для їхньої користі, а вони тебе в хату не пускають, варвари!..* [М. Коцюбинський. Для загального добра (1895)].
 (13 рус.) — *Ты работаешь им же на пользу, для их же блага, а они тебя и в хату не пускают, варвары!* [М. Коцюбинський. Для общего блага (Е. Нежинцев, 1965)].

Заметим, что западноукраинские писатели 1880—1930-х гг., чьи произведения включены в корпус (И. Франко, Л. Мартович, Марко Черемшина, В. Стефаник), за исключением двух примеров у О. Кобылянской, как кажется, не восприняли эту инновацию, появившуюся у писателей, работавших в Российской империи.

2.2. Нормализация и конкуренция форм

В фундаментальном словаре Б. Д. Гринченко [Гринченко 1908—1909, II: 200] слово *їхній* дается как синоним притяжательного *їх* (не основной вариант) и приводятся примеры из анонимного учебника по природоведению «Де-що про світ Божій» (у Гринченко цитируется по четвертому изданию, которое, по удивительному совпадению, вышло в свет все в том же 1882 г.) и из фольклорных записей И. И. Манжуры, сделанных в Екатеринославской и Харьковской губерниях (изданы в 1890 г.). Авторитетный русско-украинский академический словарь времен украинизации [Кримський 1929] уже дает *їхній* как первый вариант «их, мест. притяж. — *їхній*, (реже) *їх*». В то же время не все нормализаторы поколения 1920—1930х гг. были согласны с такой расстановкой приоритетов. В очень интересной, использующей фактически корпусные методики книге О. Н. Синявского [Синявський 1941: 236] в качестве нормы дается местоимение *їх* со следующим замечанием: «Насчет кое-где употребляемого местоимения *їхній* надо сказать, что это недавнее новообразование: его мы не видим ни в старейших записях народного языка, ни у старейших писателей, например, у Шевченко слова *їхній* совсем нет». То же указывает И. И. Огиенко (митрополит Иларион) в своем имеющем «нормализующий» уклон словаре языка Шевченко: «*їхній*. Этого слова еще нет в языке Шевченко — оно новое. У Шевченко *їх*» [Митрополит Іларіон 1961: 113].

Вместе с тем в том же 1961 г. Т. П. Ломтев констатирует: «Форма *їхній* более употребительна, чем форма *їх*» [Ломтев 1961: 155]. Интересно, что нормативный академический

11-томный Словарь украинского языка дает местоимение *їхній* без ограничительных помет [СУМ, 4: 61], а местоименная функция генитива *їх* в нем вообще не предусмотрена. Притяжательное значение формы *його* есть в статье *він*, а формы *її* — соответственно, в статье *вона*, в то время как в статье *вони* такого употребления не указано [СУМ, 1: 676, 737]; скорее всего, этот пропуск не случаен. В то же время курс украинской морфологии [СУЛМ 1969: 270] отдает приоритет форме *їх* (с формулировкой «также *їхній*»), а краткая «Украинская грамматика» на русском языке дает *їх* и *їхній* как равноправные варианты (причем *їх* первым) [Украинская грамматика 1986: 78—79]. Возможно, это диктуется не только научными и историческими соображениями (как, например, у Синявского), но и общими идеологическими установками 1930—1980-х гг. на сближение лексики и грамматики украинского языка с русским. В частности, в двухтомном советском украинско-русском словаре 1958 г. слово *їхній*, несмотря на вполне высокий по стилю пример из Леси Украинки, передано как «разг. ихний» [УРС: 297]; неясно, к какому слову — русскому, или украинскому, или же к обоим — относится ограничительная помета.

Украинские писатели этого периода (например, А. Довженко, О. Гончар, Р. Іваницук, В. Малык) нередко используют притяжательное *їх*, хотя у всех оно конкурирует с *їхній*. Украинские переводчики второй и третьей четвертей XX в. в переводах русской классики меняют неизменяемую форму на изменяемую часто, но не совсем последовательно. Так, в повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» притяжательное *их* встречается пять раз: *сын их воспитывался; почитал их ничтожество благополучием; старался удовлетворить их любопытству; золото и серебро блистало на их робах* и см. пример 14. В переводе на украинский С. Складенко (середина XX в.) два из этих *их* сохраняет, а три меняет на *їхній*: *син їхній виховувався; і вважав їх нікчемністю за благо; він стався задовольнити їхню цікавість; золото і срібло блищало на їх робах*, а также:

(14 русск.) *Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работниками?* [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1827)].

(14 укр.) *Та й чи пристойно, пані, російській боярині чи бояришні бути разом з німцями-тютюнниками та з їхніми робітниками?* [Олександр Пушкін. Арап Петра Великого (С. Складенко, 1953)].

Из пяти *их* в «Майская ночь, или Утопленница» Н. В. Гоголя (*подстрекающий их любопытство; холод и мрак вод их; низкие их стены; я какой-нибудь их брат; тело их было как будто сваяно из прозрачных облак*) переводчик М. Рильский два меняет на *їхній* (*їхню цікавість підбурюючи; холод і морок вод їхніх; низькі їх стіни; я їх брат; тіло їх було прозоре, як хмарки*).

Большое влияние на становление современной украинской нормы оказала книга представителя поколения 1920-х гг., прошедшего 20 лет в заключении и ссылке, писателя Бориса Антоненко-Давыдовича «Как мы говорим». Ее первое издание, появившееся в 1970 г., подверглось разгромной критике со стороны официальных партийных и научных учреждений, зато в эмиграции, а после перестройки и на Украине она переиздавалась неоднократно и стала распространенным пособием для редакторов. Антоненко-Давыдович указывает, что *їх* встречается иногда в функции притяжательного местоимения (и дает пример из Шевченко), но «теперь в художественной литературе и живой народной речи преимущество отдается притяжательному местоимению *їхній*». Далее он рекомендует придерживаться формы *їхній*, «чтобы избежать лишнего параллелизма» [Антоненко-Давыдович 2010: 159—160].

2.3. Современное состояние

В постсоветский период нормативные рекомендации Антоненко-Давыдовича возобладали: форма *їхній* в значении притяжательного местоимения нередко считается единственно правильной и безусловно господствует в письменных текстах. В русско-украинском словаре [Жайворонок 2006] для русского притяжательного *их* указано соответствие «*їхній*, реже *їх*».

Ср., например, популярное пособие для журналистов [Волощак 2003: 120]: в колонке «неправильно» указано *їх ватажок* ‘их вожак, предводитель’, в колонке «правильно» — *їхній ватажок*. Отклонения от этого правила в текстах 1990—2000-х гг. единичны и связаны с абстрактными именами ситуаций, где притяжательное местоимение кодирует актант ситуации (*їх вплив* = *то, как они влияют*), например:

- (15 укр.) *Обговорюється роль порушень мегакариоцитопоезу при ХМЛ та їх вплив на якість життя пацієнтів* [Український медичний журнал: анотації до статей (2007—2010)].
- (15 русск.) *Обсуждается роль нарушений мегакариоцитопоеза при хронической миелоидной лейкемии и их влияние на качество жизни пациентов* [Украинский медицинский журнал: аннотации к статьям (2007—2010)].
- (16 укр.) *Адже це особливий український етнос — поліщуки, і бездумне їх розселення, розчинення в масі знівельованого вже населення — хіба це не злочин проти України?* [Л. Костенко. Україна як жертва і чинник глобалізації катастроф (2002—2003)].
- (16 русск.) *Ведь это особый украинский этнос — полещуки, и бездумное их расселение, растворение в массе нивелированного уже населения — разве это не преступление против Украины?* [Л. Костенко. Украина как жертва и фактор глобализации катастроф (переводчик не указан)].

3. Белорусский язык

3.1. Местоимение *іхні*

В белорусском языке русскому *ихний* (*ихный*) соответствуют два морфологических варианта: *іхні* и *іхны*. Второй из них редок и считается «областным» [ТСБМ, 2: 565]; по корпусным данным (параллельный русско-белорусский корпус НКРЯ и одноязычный Белорусский N-корпус, <http://bnkorus.info>), формы с твердой основой последовательно употребляли некоторые авторы, например М. Горецкий. Судя по толкованиям в ТСБМ, формы *іх* и *іхні* равнозначны (‘который принадлежит им’), ограничительных помет нет: можно даже усмотреть легкое предпочтение второй формы в том, что *іх* толкуется через *іхні*, но не наоборот. В параллельном белорусско-русском корпусе НКРЯ местоимение *іхні* употребляется начиная с самых ранних текстов, т. е. со второй половины XIX в., в частности с «Мужицкой правды» К. Калиновского, который все же предпочитает *іх*:

- (16 блр.) *Зямля вольна даецца ўсім мужыкам, бо гэта іхня зямля з дзядоў-прадзедоў, за гэту зямлю ніхто не мае адрабляць паничызны...* [К. Каліноўскі. Мужыцкая праўда. № 7 (1863)].
- (16 русск.) *Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину...* [К. Калиновский. Мужичья правда. № 7 (перевод по изданию 1988 г.)].

По-видимому, никакой стилистической выделенности, простонародности авторы в этой форме не ощущают; изменяемое местоимение даже трижды появляется в современном переводе Евангелия (весьма высоком по стилю), два из них в постпозиции⁴:

- (17 русск.) *И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса...* [Деяния Апостолов (синодальный перевод) (1816—1862)].
- (17 блр.) *І мы вам дабравесцім пра абяцанне, дадзенае айцам, што Бог выканаў яго для нас, дзяцей іхніх, уваскрасіўшы Ісуса...* [Дзеянні Святых Апосталаў (Біблійная камісія Беларускай праваслаўнай царквы, 2010)].

⁴ Строго говоря, это перевод не с русского, а с греческого оригинала (хотя и решения русского Синодального перевода комиссия учитывала); параллельность этой пары текстов здесь несколько условна.

Есть и тексты, где наряду с *іхні* встречается или даже преобладает *іх*. Так, притяжательное *іх* доминирует в произведениях Я. Коласа и И. Шамякина; у В. Быкова и Я. Брыля конкурируют обе формы. В Белорусском N-корпусе в сочетании с мн. ч. сущ. *галава* 'голова' 28 раз употребляется притяжательное *іх* и 23 — *іхні*, в сочетании с сущ. *жыццё* 'жизнь' 117 примеров притяжательного *іх* и 37 — *іхні*. Как видим, для абстрактных существительных сочетаемость с *іх*, как и в современном украинском, выше.

3.2. Притяжательные адъективные местоимения единственного числа

В белорусском литературном языке, в отличие от украинского (и русского), присутствуют с тем или иным статусом также адъективные притяжательные местоимения 3-го лица ед. ч. — *ягоны* и *ейны*. Слово *ягоны* в [ТСБМ 5, 2: 490] помечено как «разговорный» синоним формы *яго*, слово *ейны* — формы *яе* [ТСБМ, 2: 241]. Судя по параллельному корпусу НКРЯ, местоимение *ейны* употребляется очень редко: *ейны* встретилось только два раза, а *ягоны* — 700 раз на полтора миллиона словоупотреблений. В Белорусском N-корпусе диспропорция не столь значительна, но тоже налицо: 2997 примеров на словоформу *ягоны* и 322 примера на словоформу *ейны*. Т. П. Ломтев [Ломтев 1961: 154—155] не упоминает формы *ейны*, впрочем, его формулировка не вполне аккуратна, как если бы *ягоны* могло относиться и к обладателю женского рода («*ягоны брат* и *яго* или *яе брат*»). Местоимение *ягоны* отмечено в корпусе начиная с произведений основоположников белорусской советской прозы Я. Мавра и М. Горецкого. Последний в целом предпочитает притяжательное *яго*; так, одна из его повестей называется *У чым яго крыўда? (В чем его обида?)*. Местоимение *ягоны*, как и *іхні*, конкурирует с несклоняемой притяжательной формой, причем выбор сильно зависит от предпочтений автора. По Белорусскому N-корпусу для слова *жыццё* соотношение *яго* : *ягоны* — 197 : 83, а для слова *дом* — 40 : 33; предпочтения, вероятно, также связаны с абстрактной и конкретной семантикой.

3.3. Нормативный статус

По Ломтеву [Ломтев 1961: 155], «притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му лицу, в литературном языке употребляются сравнительно редко, в народных говорах они употребляются весьма широко». Согласно [Кривицкий и др. 2008: 149], эти формы «не выходят за сферу художественной литературы, публицистики». Действительно, в составленном В. А. Кошечко корпусе белорусских научных текстов Corpus Albaruthenicum (<http://grid.bntu.by/corpus/>) нет вхождений местоимения *іхні* и только один пример местоимения *ягоны*. Краткая грамматика [Лукашанец 2007: 294] относит все три изменяемых притяжательных местоимения 3-го лица, включая *іхні* (в отличие от ТСБМ, где это касалось только *ягоны* и *ейны*), к употребительным в «разговорной речи». По-видимому, эти и подобные стилистические и ограничительные пометы привели к тому, что слова *іхні* и *ягоны*, несмотря на их высокую частотность в текстах, не включены в словарь морфологического анализатора белорусского языка, разработанный И. В. Совпелем и адаптированный компанией «Яндекс», который в настоящее время используется в параллельных корпусах НКРЯ; таким образом, они пока не получают в корпусе адекватной разметки.

4. Белорусский и украинский: общее

4.1. Соответствия русского *ихний*

На материале параллельного корпуса заметно, что у ряда переводчиков с русского языка на украинский и белорусский слово *іхній* (*іхні*) наделяется той же маркированно просторечной окраской, что и русское *ихний*. Так, в белорусских переводах «Хамелеона» А. П. Чехова (переводчик К. Крапива), «Гранатового браслета» А. И. Куприна (переводчик Л. Соловей),

«Собачьего сердца» М. А. Булгакова (переводчик А. Жук) слово *іхні* выступает только как эквивалент русского просторечного *ихний* в устах персонажей; в других местах данных текстов эти переводчики переводят русское *их* как *іх*. Ту же стратегию выбрал при переводе «Хамелеона» на украинский и А. Хуторян. Заметим, что Кондрат Крапива — не только писатель, но и главный редактор ТСБМ, в котором, как мы видели, никаких ограничительных помет у слова *іхні* нет. Видимо, необходимость передать русскую оппозицию *их* / *ихний* толкает переводчика к использованию «готовой» украинской или белорусской пары, и сама по себе такая передача может свидетельствовать о семантике соответствующих нерусских форм лишь косвенно.

С другой стороны, Алесь Жук в переводе «Мастера и Маргариты» использует *іхні* и в нейтральном контексте. Сам Булгаков применил *ихний* один раз, фактически закавычив, безусловно, ради передачи стилистически специфической речи придуривающегося Коровьева (см. ниже пример 21), а в переводе Алеся Жука форма *іхні* появляется еще пять раз там, где у М. А. Булгакова неизменяемое *их*, в том числе в частях, посвященных евангельским событиям, написанных более высоким стилем, чем московские:

(18 русск.) *Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны. Опасения прокуратора насчет беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(18 блр.) *Пакуты салдат і іхнюю лаянку можна было зразумець. Боязь пракуратара, што можа пачацца бунт у час пакарання ў ненавісным горадзе Ершалаіме, на ішчасце, не апраўдалася* [Михайл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (А. Жук, 1994)].

Разумеется, далеко не все булгаковские притяжательные *их* переводчик превращает в *іхні*, большая часть сохранена, но системы в этом нам усмотреть не удалось; вот любопытный пример, в котором одно-единственное русское *их*, относящееся к однородным членам, было удвоено и переведено двумя разными способами:

(19 русск.) *Ты не всемогущий бог. Ты черный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(19 блр.) *Ты не ўсемагутны бог. Ты чорны бог. Пракляцце табе, бог бандытаў, іхні абаронца і іх душа!* [Михайл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (А. Жук, 1994)].

4.2. Восточнославянские и польские адъективные дериваты местоимений

Нормативная кодификация украинских и белорусских адъективных форм притяжательных местоимений 3-го лица противопоставляет эти языки соседним славянским — как русскому, так и польскому. Польское местоимение *ichni* употребляется редко, имеет позднее происхождение и носит такой же просторечный и ненормативный характер, как и в современном русском. Ср. примеры на *ichni* из параллельного корпуса НКРЯ:

(20 польск.) — *Kacerze zowią się husyci, a bierze się to od ichniego proroka Husa, nie zaś od gęsiów* [Andrzej Sapkowski. Narrenturm (2002)].

(20 русск.) — *Еретики зовутся гуситами, а берется это от ихного пророка Гуса, а вовсе не от каких ни гусей* [Андрей Сапковский. Башня шутов, переводчик Е. Вайсброт].

(21 русск.) *Зато развязный клетчатый сам отрекомендовался финдиректору, назвав себя «ихний помощник»* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(21 польск.) *Za to nonszalancki kraciasty sam się dyrektorowi przedstawił jako «ichni asystent»*. [Michał Bułhakow. Mistrz i Małgorzata, переводчики I. Lewandowska, W. Dąbrowski].

Польское влияние гипотетически можно усмотреть разве что для притяжательных прилагательных (местоимений) с суффиксом *ск-*; впрочем, не исключено и общее с польским восточнославянское развитие. В польском отмечен с XV в. [Brückner 1957: 205] ряд форм

на *-ski: mojski, twojski, jegojiski, naski, waski, swojski* [Rospond 1979: 223], из него частотным в современном языке является только последнее. Соответствующие восточнославянские формы характеризуются определенной идиоматизацией значения. В белорусской грамматике [Лукашанец 2007: 294] отмечено также устаревшее и диалектное местоимение *наскі* ‘наш’, употребляющееся в языке художественной литературы. В параллельном корпусе НКРЯ встретилось четыре примера этого слова — все в прямой речи, трижды у М. Горьцкого (переведено как *нашенский*) и один раз в выполненном М. Стрельцовым переводе «Буранного полустанка» Ч. Айтматова (*не наскія ідзі* в соответствии с *чуждые идеи* в оригинале). Местоимение *наський* (в [Гринченко 1908—1909, II: 526]: «наш, нам принадлежащий, а не иностранный»; в [СУМ, 5: 210]: «разг. то же, что *наш*») дважды отмечено в украинско-русском параллельном корпусе — в романе XIX в. А. Свидницкого (*на насъке, а не на московське* ‘по-нашему, а не по-русски’) и в современной критической статье (переведено как *доморощенный*). Белорусское *свойскі* ‘приятельский; домашний (о животных)’ и укр. *свійський* ‘привычный; домашний (о животных)’ [Гринченко 1908—1909, IV: 108; СУМ, 9: 84], как и русск. *свойский*, связаны с сильной идиоматизацией и описываются в словарях как прилагательные. Русские просторечные (и тоже в некоторой степени идиоматизированные) лексемы *наш-ен-ский, ваш-ен-ский* являются результатом несколько иного словообразовательного развития.

5. Ихний в восточнославянских языках: подводя итоги

Итак, корпусный анализ показывает, что в русском языке слово *ихний* в XIX в. было весьма распространено в речи носителей литературной нормы, а со второй половины века через художественную литературу попало в письменные тексты, активно использовалось в них и, по-видимому, было на грани вхождения в нормативный язык. Во второй четверти XX в. кодифицирующими словарями и справочниками слово было признано ненормативным и, благодаря нормализаторским усилиям советской лингвистической традиции, к концу третьей четверти XX в. стало восприниматься как просторечное. В XXI в. слово стало общеизвестным маркером неграмотной речи, но, несмотря на это, регулярно используется в речи культурных людей или в рамках языковой игры, в мысленных кавычках, или со смещенным, непрямым значением.

Так и не увенчавшееся нормативным закреплением распространение формы *ихний* в русском литературном языке XIX — начала XX в. вкпе со стремлением избежать неоднозначности несклоняемых форм и гармонизировать синтаксис с морфологией (ср. аргументацию Антоненко-Давыдовича), вероятно, дало толчок для кодификации адъективных местоимений в литературных украинском и белорусском языках. В украинском литературном языке *їхній* появилось позже, чем в русском, но постепенно вытеснило форму *їх*, превратилось фактически в единственный нормативный вариант. В современном белорусском *іхні* хоть часто и характеризуется в лингвистической литературе как разговорное, широко и, по-видимому, без стилистической окраски употребляется и в письменных текстах, по крайней мере в художественных и публицистических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антоненко-Давидович 2010 — Антоненко-Давидович Б. Д. Як ми говоримо. Київ: Книга, 2010.
[Antonenko-Davydovych B. D. *Jak my govorymo* [How we speak]. Kyev: Knyga, 2010.]
БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of modern standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow, 1948—1965.]
Буслаев 1959 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
[Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Russian historical grammar]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.]

- Волк 2014 — Волк В. С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // *Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований*. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 510—533. [Volk V. S. Syntax of possessive pronouns and adjective derivation. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii*. Vol. X. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 510—533.]
- Волощак 2003 — Волощак М. Неправильно — правильно: довідник з українського слововживання. Київ: Просвіта, Українська видавнича спілка, 2003. [Voloshhak M. *Nepravyl'no — pravyl'no: dovidnyk z ukrai'ns'kogo slovovzhyvannja* [Correctly — incorrectly: a handbook of Ukrainian word usage]. Kyev: Prosvita, Ukrai'ns'ka Vydavnycha Spilka, 2003.]
- Гринченко 1908—1909 — Гринченко Б. Д. Словарь української мови. Т. I—IV. Київ: Киевская старина. 1908—1909. [Grynchenko B. D. *Slovar' ukrai'ns'koi' movy* [A dictionary of the Ukrainian language]. Vol. I—IV. Kyev: Kyevskaja Staryna, 1908—1909.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. 2-е изд. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1881. [Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. II. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f, 1881.]
- Добрушина 2013 — Добрушина Е. Р. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или Двести лет вместе с «ихний» // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 2 (26). С. 181—204. [Dobrushina E. R. Codified norm vs. intuitive norm, or two centuries with ikhni. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 2 (26). Pp. 181—204.]
- Жайворонок 2006 — Жайворонок В. В. (ред.). Російсько-український словник. Київ: Абрис, 2006. [Zhajvoronok V. V. (ed.). *Rosijs'ko-ukrai'ns'kyj slovnyk* [A Russian-Ukrainian dictionary]. Kyev: Abrys, 2006.]
- Кривицкий и др. 2008 — Кривицкий А. А., Михневич А. Е., Подлужный А. И. Белорусский язык: для говорящих по-русски. Минск: Вышейшая школа, 2008. [Krivitskii A. A., Mikhnevich A. E., Podluzhnyi A. I. *Belorusskii yazyk: dlya govoryashchikh po-russki* [The Belorussian language: for Russian-speaking people]. Minsk: Vysheishaya Shkola, 2008.]
- Крымский 1929 — Крымский А. Ю. (ред.). Російсько-український словник. Т. 2. Вип. 1 (3—К). Київ: ДВУ, 1929. [Kryms'kyj A. Ju. (ed.). *Rosijs'ko-ukrai'ns'kyj slovnyk* [A Russian-Ukrainian dictionary]. Vol. 2. No. 1 (Z—K). Kyev: DVU, 1929.]
- Ломтев 1961 — Ломтев Т. П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. М.: Высшая школа, 1961. [Lomtev T. P. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika vostochnoslavjanskikh yazykov* [A comparative-historical grammar of East Slavic languages]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1961.]
- Лукашанец 2007 — Лукашанец А. А. (ред.). Кароткая граматыка беларускай мовы: фаналогія, марфаналогія, марфалогія. Минск: Беларуская навука, 2007. [Lukashanec A. A. (ed.). *Karotkaja gramatyka belaruskaj movy: fanalogija, marfanalogija, marfalogija* [A short grammar of the Belorussian language: phonology, morphonology, morphology]. Minsk: Belaruskaja Navuka, 2007.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1981—1984. [Slovar' russkogo yazyka [The dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1981—1984.]
- Митрополит Іларіон 1961 — Митрополит Іларіон. Граматично-стилістичний словник Шевченкової мови. Вінніпег: Інститут Дослідів Волині, 1961. [Mytropolyt Ilarion. *Gramatychno-stylistychnyj slovnyk Shevchenkovoï movy* [The grammar-stylistic dictionary of Shevchenko's language]. Vinnipeg: Instytut Doslidiv Volyni, 1961.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов, Шведова 1998 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4е изд. М., 1998. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The defining dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, 1998.]
- ООВС — Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Академия наук, 1852. [Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya [Great Russian regional dictionary]. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1852.]
- ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 13. СПб.: СПбГУ, 2003. [Pskovskii oblastnoi slovar' [Pskov regional dictionary]. No. 13. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ, 2003.]
- Сидоренская 1960 — Сидоренская И. Д. Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах // Доклады на конференции по региональной лексикографии, 29—31 марта 1960 г. в г. Псков. С. 9—16. [Sidorenskaya I. D. A study of non-personal pronouns derivation in Pskov dialects. *Doklady na konferentsii po regional'noi leksikografii 29—31 marta 1960 g. v g. Pskov* [Reports of the Conference on regional lexicography, March 29—31, 1960 in Pskov]. Pp. 9—16.]

- Синявський 1941 — Синявський О. Н. Норми української літературної мови. 2-е изд. Львів: Українське Видавництво, 1941. [Synjavs'kyj O. N. *Normy ukrai'ns'koi' literaturnoi' movy* [Norms of the standard Ukrainian language]. L'viv: Ukrai'ns'ke Vydavnytstvo, 1941.]
- Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 6. М.: Наука, 1979. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [A dictionary of the XI—XVII centuries Russian language]. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1979.]
- Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Т. 9. СПб.: Наука, 1997 [*Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [A dictionary of the XVIII century Russian language]. Vol. 9. St. Petersburg: Nauka, 1997.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 8, 12. Л.: Наука, 1977. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 8, 12. Leningrad: Nauka, 1977.]
- СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [*Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The defining dictionary of the Russian language]. Ushakov D. N. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- СУМ — Словник української мови. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1970; Т. 4. 1973; Т. 5. 1974; Т. 9. 1978. [*Slovnnyk ukrai'ns'koi' movy* [A dictionary of the Ukrainian language]. Kyev: Naukova Dumka. Vol. 1. 1970; Vol. 4. 1973; Vol. 5. 1974; Vol. 9. 1978.]
- СУЛМ 1969 — Сучасна українська літературна мова. Морфологія. Київ: Наукова думка, 1969. [*Suchasna ukrai'ns'ka literaturna mova. Morfologija* [Modern Standard Ukrainian. Morphology]. Kyev: Naukova Dumka, 1969.]
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 2. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1978, Т. 5. Кн. 2. 1984. [*Tlumachal'y slovnnyk belaruskaj movy.* [An explanatory dictionary of the Belorussian language]. Minsk: Belaruskaja Saveckaja Jencyklapedyja. Vol. 2. 1978; Vol. 5. Book 2. 1984.]
- Українська грамматика 1986 — Украинская грамматика. Київ: Наукова думка, 1986. [*Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian grammar]. Kiev: Naukova Dumka, 1986.]
- УРС — Українсько-російський словник. Т. 2. Київ: АН УРСР, 1958. [*Ukrai'ns'ko-rosijs'kyj slovnnyk* [A Ukrainian-Russian dictionary]. Vol. 2. Kyev: The Ukrainian Academy of Sciences, 1958.]
- Brückner 1957 — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza powszechna, 1957.
- Rospond 1979 — Rospond S. *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa: PWN, 1979.

Статья поступила в редакцию 21.08.2014.